

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ

Работа представлена кафедрой теории и практики перевода

Ставропольского государственного университета.

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор С. В. Серебрякова

В статье рассматривается коммуникативно-прагматический потенциал интертекстуальных включений. Интенциональная природа рассматриваемого явления анализируется в рамках политического нарратива с опорой на принципы стратегического подхода к изучению речевого воздействия.

The article touches upon the issue of communicative and pragmatic potential of intertextual elements. The intentional nature of the phenomenon under consideration is analysed in the framework of the political narrative in the aspect of the principles of the strategic approach to the verbal impact study.

Изучение коммуникативно-прагматических особенностей медиапространства занимает значительное место в современных научных исследованиях. Массовая коммуникация, по утверждению Т. Г. Добросклонской, представляет собой «в высшей степени идеологизированный организм»¹. Данный факт позволяет проводить анализ базовых компонентов политического дискурса, таких, как, например, политический нарратив, через призму их реализации в СМИ. Рассматривая политический нарратив как «совокупность дискурсивных образований разных жанров, сконцентрированных вокруг определенного политического события»², отметим, что в его рамках особый интерес вызывает изучение интенциональной природы реализации лингвистических средств.

Задача данной статьи состоит в изучении функционирования интертекстуальных включений, в частности цитат и аллюзий, в границах нарратива с опорой на принципы стратегического подхода к изучению речевого воздействия. Данные дискурсивные единицы, являясь ключевыми составляющими политической коммуникации, обладают особым коммуникативно-прагматическим потенциалом, так как всегда нарушают «линейность» повествования,

манифестируя пересечение двух текстовых коммуникативных пространств. Определяя речевую стратегию как «совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего», О. С. Иссерс рассматривает речевую тактику как «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии»³. Приведенные определения послужили теоретической базой для проведения практического анализа методами дискурсивного и контент-анализа, а также описания. Допуская некоторые коррективы ввиду специфики анализируемого материала, в качестве базовой классификации коммуникативных стратегий и тактик, реализующихся в политическом дискурсе, нами была принята классификация О. Л. Михалевой⁴.

Материалом для анализа послужил нарратив такого политического события международного уровня, как саммит G8. Отметим, что сравнительный анализ встреч в верхах за последние несколько лет (2005–2007 гг.) позволяет условно разделить нарратив каждого события на три этапа. Примечательно, что каждый из них имеет свои специфические тематические, структурные и лингвопрагматические характеристики интертекстуальных включений, по-особому эксплицирующих отноше-

ние определенного лингвокультурного сообщества к событию.

Однако несмотря на структурное сходство указанных нарративов, представляется возможным говорить о доминантной роли экстралингвистических факторов, таких как политическая конъюнктура, обстановка в обществе и др. Так, сравнительный анализ предварительного (I) этапа саммитов G8 в 2006 г. (в Санкт-Петербурге) и 2007 г. (в Хайлигендамме) позволяет выявить следующие отличия: в 2006 г. опасения и настороженность относительно принимающей стороны обусловили актуализацию через интертекстуальные элементы таких тактик, как персуазивное информирование, безличное обвинение, обличение, авторизация. В 2007 г., очевидно в силу обострившегося противостояния антиглобалистов и официальных властей, на первом этапе нарратива наблюдается реализация диаметрально противоположных тактик: обвинения, оскорбления, анализа-«минус» и размеживания, с одной стороны, и тактик презентации, отвода критики, анализа-«плюс» и персуазивного информирования – с другой. С целью представления комплексной специфики актуализации интертекстуальных единиц в коммуникативных стратегиях и тактиках обратимся к рассмотрению саммита G8, состоявшегося в Санкт-Петербурге 15–17 июля 2006 г. Тот факт, что встреча в верхах проходила в России, стране, все еще вызывающей неоднозначное отношение во всем мире, наложил отпечаток как на содержательную специфику самой встречи, так и на характер газетных материалов. К анализу было привлечено 250 текстов из ведущих англоязычных изданий (The Guardian, The Economist, The USA Today, The Sun), содержащих интертекстуальные включения (аллюзии и цитаты) общим числом 620 единиц. Отметим, что в отличие от российских СМИ западные масс-медиа крайне критично относятся к положению дел в России. Таким образом, большая часть материалов на английском языке, естественно, носит прозападный характер.

В отношении аллюзий представляется возможным отметить, что в рамках изученного нарратива чаще всего встречается референция на общественно-политические события (внешние и внутренние), политические скандалы, официальные документы политического и экономического характера, исторические личности, фильмы. Частотность их актуализации варьируется от высокой на первом этапе нарратива (преимущественно аналитические статьи) до более низкой на втором и третьем этапах. Данные включения реализуют следующие речевые тактики: анализ-«минус» и персуазивное информирование (*the issue with Abkhazia and South Ossetia, the Doha trade round*) – I, II этап; тактику обличения (*Guantanamo Bay, the Yukos affair, the imprisonment of Boris Khodorkovsky*) – II этап; тактику анализ-«плюс», анализ-«минус» (*the attack on Yukos, the Beslan school siege in September 2004, the «orange revolution»*), тактику насмешки или оскорбления (*the 'Yo Blair' footage*) – III этап. В качестве иллюстрации можно привести пример реализации тактики персуазивного информирования, состоящей в упоминании некоторых фактов, но в отсутствии каких-либо комментариев. Например, анализируя реакцию президента России на речь Д. Чейни, автор статьи «The west's new Russophobia is hypocritical – and wrong» (The Guardian, June 30, 2006) обращается к аллюзии:

Unruffled, he made only three mentions of the US in his state of the nation address a few days later. One was a flattering reference to Roosevelt's new deal as a partial model for Russia. – Будучи абсолютно невозмутимым, несколько дней назад в своем ежегодном послании он лишь трижды упомянул США. Одно из упоминаний касалось Нового курса, предложенного в свое время Рузвельтом, в качестве возможной модели для России.

В приведенном примере наблюдается двойная референция: на содержание официального послания президента России и на линию реформ, предложенную американским президентом Т. Рузвельтом для

преодоления Великой депрессии 30-х гг. XX в. Очевидно, что тактику информирования можно рассматривать как реализацию стратегии как на повышение, так и на понижение имиджа. В приведенном контексте прослеживается скорее последнее, так как апелляция к подобным реформам определенным образом характеризует состояние дел в экономике России. Таким образом, использование аллюзий способствует не только приращению смысла за счет присутствующего им высокого аксиологического потенциала, но и на первых этапах нарратива оказывает персуазивное воздействие на формирование восприятия ожидаемого, а на третьем этапе референция актуализирует положительную или отрицательную характеристику произошедшего события.

Использование цитат в рамках нарратива имеет свои особенности. Относительно их авторства можно отметить, что приводятся в основном цитаты политиков высшего ранга, среднего звена, реже – цитаты из официальных документов. Отметим, что специфика цитатных включений в политическом нарративе имеет жанровую и темпоральную основу, определяемую скорее коммуникативно-прагматической актуальностью ситуации и значимостью точки зрения конкретного политического деятеля. Так, предварительная фаза события освещается, как правило, в аналитических жанрах (статья и комментарий) с минимальным использованием цитатных включений, реализующихся в форме «осколочных» цитат, в то время как активная стадия представлена в большом разнообразии жанров (информационная заметка, передовица, статья, комментарий, очерк), отличаясь высокой цитатной плотностью и преимущественным обращением к полным цитатам. На данном этапе весь текстовый континуум буквально пронизан цитатами, что позволяет говорить о текстообразующей функции указанных интертекстуальных включений. На последнем этапе, для которого более характерны аналитические жанры, наблюдается спад цитатной плотности, однако актуализацию получают различные

структурные типы включений, «осколочные» и модифицированные цитаты, а также полные, как, например, следующая:

George Bush said only that Russia would find its own version of democracy... Perhaps sensing weakness, it was Mr Putin who did the embarrassing. «We certainly wouldn't want to have the kind of democracy that exists in Iraq,» Mr Putin said (Russia triumphant, The Economist, July 22nd 2006). – Джордж Буш только сказал, что Россия найдет свой собственный вариант демократии... Возможно, почувствовав некоторую уязвимость, именно господин Путин создал определенную неловкость. «Нам, конечно, не хотелось бы иметь такую демократию, как в Ираке», – заявил господин Путин.

В свете всеобщей критики, которой подвергается демократия в России, приведенное высказывание реализует тактику отвода критики, интенциональная природа которой состоит в желании показать неоднозначность существующих обвинений.

Наши наблюдения позволяют сделать вывод о том, что со временем в речевом обиходе остаются лишь те интертекстуальные включения, которые способны конденсировать коммуникативно-прагматический заряд и, следовательно, выступать в качестве средств персуазивного воздействия. В плане цитат наблюдается использование таких речевых тактик, как тактика безличного обвинения, обличения, иллюстрирующая цитата, тактика авторизации (I этап); самопрезентация, неявная самопрезентация, отвод критики (II этап); тактика насмешки, обличения, отвода критики и иллюстрирующая цитата (III этап). Таким образом, интерпретация цитатных включений на разных этапах нарратива показывает наличие суггестивного потенциала, реализующегося в разнообразных тактиках, спектр которых варьируется в зависимости от стадии развития нарратива. Соотношение прямого цитирования и языковой игры с цитатой и аллюзией может иметь разные пропорции на разных этапах развития нарратива (I этап – высо-

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

кая аллюзивная плотность, незначительное количество цитат, II этап – превалирование цитат над аллюзиями, III этап – большее количество осколочных цитат, средняя аллюзивная уплотненность).

Анализ специфики функционирования интертекстуальных включений в рамках

политического нарратива может способствовать плодотворному осмыслению особенностей актуализации культуроспецифичных и коммуникативно значимых (в данном случае для международной коммуникации) феноменов, обладающих прагматическим потенциалом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Добросклонская Т. Г.* Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). 2-е изд., стереотипное. М.: Едиториал, 2005. С. 17.

² *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса: Монография. М.: Институт языкознания РАН; Волгоград: Волгоградский гос. пед. ун-т, 2000. С. 297.

³ *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: КомКнига, 2006. С. 109–110.

⁴ *Михалева О. Л.* Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: Дис. на соис. учен. степени канд. филол. наук. Иркутск, 2004. С. 60–77.